

Луговцова С.Л.
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА 1839 г.

В июле 1839 г. в Вилейской почтовой конторе было получено письмо на имя местного помещика Викентия Корсака. Узнав о корреспонденции на свое имя, Корсак в присутствии почтмейстера Кузнецова вскрыл письмо, публично вытряс конверт, демонстрируя, что в нем ничего не содержится, кроме сложенного листа. А затем вслух прочитал текст, причем при этом присутствовал в качестве свидетеля Вилейский уездный предводитель дворянства Петровский. Последний подтвердил правильность перевода, так как письмо было написано на польском языке, которого почтмейстер не понимал. Почему же присланный конверт был вскрыт с такой предосторожностью, как будто в нем содержалось некое взрывоопасное вещество? Письмо, действительно, представляло опасность для получателя, так как было отправлено одним из

«главнейших злоумышленников» [2, л. 24] против российской власти Михаилом Ходько.

М. Ходько (1808–1839) успел заслужить такую репутацию задолго до происходивших событий. Ещё студентом Виленского университета он был участником обществ филематов и филаретов. В 1830–1831 гг. принял самое активное участие в восстании, получил чин капитана. После поражения восстания бежал за границу, провел несколько месяцев под арестом в Клайпедде, затем удалился в эмиграцию. Во Франции стал сторонником взглядов И. Лелевеля и остро критиковал политиков из аристократического лагеря А. Чарторыйского [5, с. 388]. В апреле 1832 г. в г. Безансон было основано Общество Братского Единения (Towarzystwo Zjednoczenia się Braterskiego). М. Ходько вошел в руководство организации [4, с. 60]. Объединение было идейно близко созданному в декабре 1831 г. в Париже Обществу Литовскому и Земель Русских (Towarzystwo Litewskie i Ziemi Roskich). Как свидетельствует Устав общества, главными его целями были: сбор материалов по истории восстания в Литве и русских землях, описание этих территорий с исторической и статистической точки зрения и исследование их населения [4, с. 48–49]. В 1835 г. М. Ходько опубликовал воспоминания «Экспедиция в Польшу в 1833 г. одного из эмигрантов» [1, с. 74]. Из Безансона он переехал в Париж, где в мае 1832 г. вступил в Общество Литовское и Земель Русских, одновременно принадлежал к международной масонской ложе и обществу парижских карбонариев [5, с. 388].

В конце 1832 г. М. Ходько вступил в общество “Месть народа”, а в 1833 г. участвовал в экспедиции Ю. Заливского. Последний считал, что население бывших польских провинций, захваченных Российской империей, готово вновь начать борьбу, ему только необходимо дать толчок. Этим толчком должен был стать приезд эмигрантов из эмиграции и формирование ими партизанских отрядов. Определенные надежды возлагались также на европейские революции, которые начнутся одновременно с новым восстанием и не дадут прусской и австрийской монархиям вмешаться в польские дела [4, с. 79].

М. Ходько был назначен в экспедиции командиром пинско-случского округа. Однако ему не удалось одновременно с другими эмигрантами перейти границу, а после возвращения Заливского из Царства Польского в этом уже не было смысла. Он остался в Галиции и совместно с другими эмигрантами занимался организацией карабинерского движения и подготовкой продолжения экспедиции. Однако и в Галиции ему не удалось задержаться на длительное время. Уже в 1834 г. он был вынужден вернуться во Францию [4, с. 95]. В Париже М. Ходько продолжал активно участвовать в деятельности Общества Литовского и Земель Русских. В 1838–1839 гг. стал соредктором демократического издания “Полус” [5, с. 389].

Раскрыв только самые яркие факты из биографии М. Ходько к 1839 г., становится ясно, что получить письмо от такого человека в Российской империи в 30-е гг. XIX в. было крайне опасным. Таким образом, В. Корсак постарался максимально оградить себя от переписки с братом (со стороны матери, происходившей из рода Корсаков). Казалось, его тактика имела успех. Минский гражданский губернатор Н.В. Сушков нашел рассказ о происшествии “истинно преданного престолу и истинно природного россиянина” почтмейстера Кузнецова правдивым [2, л. 24]. И посчитал возможным оставить В. Корсака на свободе, “дабы к подобным предъявлениям приохотить и других” [2, л. 41 об.].

В чем же собственно состояло содержание письма М. Ходько? Это текст лирического характера с рассказом о новостях, с попытками узнать что-то новое о родных и близких. Письмо переполнено ностальгией по родине, автор не стесняется признаться, что это самые дорогие его воспоминания, но и самые горькие, каждый раз

вызывающие слезы и печаль: «Восемь лет, длинных горьких, а мне кажется, что я вас вчера оставил, столь сильно представляется памяти моей всякий предмет родимого уголка, не только каждое милое живущее творение. Кажется, что после стольких слез, после стольких вздохов, источник слез уже должен был иссякнуть... но человек плачет и вздыхает всякий день, всякий час... В минуты свободнейшие от занятий люблю переноситься между вами, забывая о своем несчастье. Отрада единственная и потому милая, хотя горькая, есть свойство чувствительного сердца. Люди зовут меня идеалистом, но я не отдал бы моего идеала ни на одну минуту за их действительность, где без идеала, без всей власти нравственной жизни, ни одной минуты человек честный прожить не в состоянии» [2, л. 5–6].

М. Ходько рассказывает о себе и своих родных братьях Станиславе и Феликсе. Все они не получали никакой материальной помощи из дома и вынуждены были зарабатывать на жизнь собственным трудом, чем автор гордится: «...и поверь, друг мой, что хотя трудимся, но нисколько не завидуем тем, кои имеют из дому денежное пособие, ибо они возвратятся такими же, как и прибыли, а вы сами знаете, что нам должно очень перемениться, в противном случае беда нам и вам!» [2, л. 7]. Надо сказать, что Ходько принадлежал к тому кругу шляхетских революционеров, которые мучительно переживали итоги восстания 1830–1831 гг., искали причины поражения в отсутствии поддержки в среде крестьянства, считали необходимым отказаться от шляхетских привилегий и выступить единым фронтом со вчерашними крепостными против общего врага. Исследуемое письмо подтверждает, что мысли и слова М. Ходько не расходились с его делами. В частности, он поддерживал дружеские отношения со своими бывшими слугами Иоахимом и Климентом, бежавшими с ним за границу, с радостью сообщал в письме, что они не только сумели найти себе хорошую работу, но и научились читать и писать по-французски [2, л. 9 об.]. Отметим, что такое содружество слов и поступков было скорее исключением, чем правилом в шляхетской среде. Например, один из наиболее известных эмигрантов Ш. Конарский, активно призывавший говорить с крестьянами как с равными и готовить их к совместной борьбе с российским самодержавием, сам так и не сумел преодолеть шляхетскую спесь и найти общий язык с крепостными, как в австрийской Галиции, так и в пределах Российской империи [3].

В своем письме М. Ходько сожалеет о поведении родной сестры Софьи, которая забыла о его существовании, хочет узнать, жива ли мать, вздыхает о некоей Эвелине, передает привет «Карлу В.», просит В. Корсака через виленского книгоиздателя Ю. Завадского выслать ему вышедшие произведения знаменитого «Яна из Свислочи» (на самом деле, своего отца Яна) [2, л. 7–9 об.].

Минский губернатор Н.В. Сушков нашел содержание письма «мечтательным» и не опасным и посчитал возможным считать инцидент в Вилейской почтовой конторе исчерпанным. Однако у Виленского военного губернатора и генерал-губернатора Гродненской и Минской губерний П.А. Долгорукова оказалось иное мнение. Последний решил, что В. Корсак публично вскрыл письмо не столько «по доверию и откровенности к правительству», сколько из опасения подвергнуться ответственности и с намерением «отвлечь подозрения в сношениях с означенным злоумышленником» [2, л. 42]. В связи с чем, у Корсака был произведен обыск (ничего не дал), он был допрошен и уверял, что никакого Завадского не знает и никаких отношений с эмигрантами не поддерживает. Тем не менее, по требованию генерал-губернатора за помещиком был учрежден «бдительный надзор полиции» [2, л. 42 об.]. Были также допрошены упоминавшиеся в письме Эвелина Грегорович, Софья Неборовская (фамилия сестры М. Ходько в замужестве) и Карл Ванькович.

Софья утверждала, что она действительно получала от брата четыре письма, но предъявила их бывшему Минскому губернатору А. Дребушу, что подтвердилось записями в губернаторской канцелярии. Эвелина Грегорович согласилась, что была знакома с М. Ходько до восстания 1830–1831 гг., однако никакой переписки впоследствии с Михаилом она не вела и о любви, питаемой к ней, ничего не знает. Помещик К. Ванькович признался, что был знаком с Ходько ещё в те времена, когда Михаил служил в губернаторской канцелярии, однако переписки с ним никогда не вел. Он также отметил, что М. Ходько имел не только родителей, но и многих родственников в Вилейском уезде, был знаком практически со всеми чиновниками Минска, так что бывал не только в его доме, но и практически во всех минских домах [2, л. 43–44]. В апреле 1840 г. Н.В. Сушков вновь предлагал генерал-губернатору прекратить дело [2, л. 45]. Решающим в этом вопросе стало мнение самого А.Х. Бенкендорфа. Глава III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии ознакомился с делом в сентябре 1839 г. и вынес вердикт, что в письме М. Ходько «не заключается ничего особенного» [2, л. 16 об.].

Несмотря на столь весомое мнение, дело было закрыто далеко не сразу. В-первых, переписка между ведомствами заняла определенный промежуток времени. В-вторых, все произведения Яна Ходьки были повторно отправлены на изучение виленскому цензору П. Кукольнику. Последний не только не нашел в книгах “Яна из Свислочи” антиправительственных мыслей, но и высоко оценил их простоту, легкий стиль, а также “в высшей степени народность изображаемых лиц” [2, л. 31–32 об.].

Таким образом, исследование письма М. Ходьки дает нам представление: о функционировании местного государственного аппарата Российской империи, где мнение чиновника столь высокого ранга, как губернатор, легко не принималось в расчет вышестоящим начальником (генерал-губернатором), который собственно и принимал окончательное решение по делу; о высокой централизации управления, когда переписку эмигранта читал лично шеф III-го Отделения; об образе жизни и мыслей «идеалиста» Ходько. И ещё. Письмо вызывает сложные раздумья о дружбе и предательстве, любви и верности, нежности к близким и ответственности за их благополучие. Но это уже источник не только для исторической науки.

1. Аўсяная, М. Ходзька Міхал / М. Аўсяная. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын; Дадатак / Беларус. Энцыкл.: рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2003. – С. 73–74.
2. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе. Ф. 378 (Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, г. Вильно). Политический отдел. 1839 г. Д. 95 на 70 л.
3. Луговцова, С.Л. «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838–1839 гг. / С.Л. Луговцова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 5 / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.] – Минск: БГУ, 2010. С. 262–272.
4. Матвейчык, Д.Ч. Выгнаньня з роднага краю: Паслялістападаўская эміграцыя з Беларусі і Літвы (1830–1870-я гады) / Д.Ч. Матвейчык. – Мінск: Лімарыус, 2011. – 200 с.
5. Rębalski, W. Chodźko Michał Borejko / W. Rębalski // Polski Słownik Biograficzny: W. Konopczyński (redaktor główny). – Т. III (Brożek Jan – Chwałczewski Franciszek). – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1937. – S. 388–389.